

«Общее соседство» или новая линия фронта? Молдавский перекрёсток

Дов Линч

Апрель 2005

Программа исследований по России и СНГ

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на ее авторов.

Программа исследований по России и СНГ
©Ifri, 2005 – www.ifri.org
Institut Français des Relations Internationales
27 rue de la Procession – 75740 Paris cedex 15 – France
Тел.: 33 (0)1 40 61 60 00 – факс: 33 (0)1 40 61 60 60

« Russie.Cei.Visions » – электронная коллекция статей, посвященная России и странам СНГ (Белорусия, Украина, Молдавия, Армения, Грузия, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан). Эти небольшие по объему статьи подготовлены признанными в своей области экспертами и являются *policy oriented* документами по политическим, стратегическим и экономическим вопросам.

Статьи, опубликованные в этой коллекции, отвечают стандартам качества ИФРИ (редакционный контроль и анонимная экспертная оценка).

Если Вы желаете получать информацию о следующих выпусках коллекции по электронной почте, Вы можете оформить подписку по адресу: info.russie.cei@ifri.org

Краткое содержание

В 2005 году стратегический диалог между ЕС и Россией испытывает трудности. Недавние события позволили выявить растущее значение пространства общего соседства (которое включает в себя Украину, Молдову, Беларусь и Южный Кавказ), превратившегося в новую линию фронта между расширившим свой состав ЕС и Россией. В данной статье анализируется состояние «стратегического партнерства» ЕС-Россия, а также европейская политика соседства (ЕПС). Пример Молдовы взят в качестве наглядной иллюстрации противоречий, существующих между интересами ЕС и России. В заключении автор формулирует ряд предложений, которые должна учитывать политика ЕС в отношениях с Молдовой и партнерстве с Россией.

«Общее соседство» или новая линия фронта?

Молдавский перекрёсток

Между принятием решения Украинским Верховным Судом об отмене результатов первого тура президентских выборов, состоявшихся 21 ноября 2004 года, и повторным голосованием 26 декабря последние два месяца 2004 года прошли под знаменем «оранжевой революции». Победа Виктора Ющенко символизировала «возвращение в Европу» крупной восточно-европейской страны, стремящейся как можно скорее присоединиться к НАТО и Европейскому Союзу (ЕС). Кроме того, «оранжевая революция» доказала политическое значение нового пространства общего соседства между ЕС и Российской Федерацией, его стратегическим партнером. Это восточное соседство, включающее Украину, Молдову и Беларусь, а также страны Южного Кавказа, стало центральным вопросом в российско-европейских отношениях. Важность этого региона определяется тем, что здесь пересекаются стратегические интересы ЕС и России. К тому же политическое влияние, которым они пользуются в регионе, отражается на их самооценке в качестве региональных акторов. Политические отношения, которые каждый из них поддерживает со странами общего соседства, имеют значение не только для этого региона, но и для глобального «стратегического партнерства», провозглашенного ЕС и Россией в 1999 году.

Не вызывая барабанного боя, сопровождавшего события на Украине, Молдова, тем не менее, является еще одной ключевой проблемой в этом регионе. Интересы и России, и ЕС в этой стране значительны. В свете следующей волны расширения в 2007 году, в результате которой в состав ЕС войдут Болгария и Румыния, Европейский Союз заинтересован в обеспечении стабильности в Молдове и в достижении окончательного урегулирования конфликта между центральным правительством и сепаратистскими властями приднестровского региона. Со своей стороны, Россия играет роль ведущего посредника в урегулировании этого конфликта с начала российской миротворческой операции в 1992 году. В целом, Россия стремится к развитию «дружеских» отношений с молдавскими властями с тем, чтобы избежать прихода к власти в этой стране антироссийски настроенного правительства. Со стратегической точки зрения российская политика также продиктована стремлением

сохранить военное присутствие в Молдове в качестве передовой позиции вблизи Балкан и на украинском фланге.

В период «оранжевой революции» в последние два месяца 2004 года произошли также два других события, имеющие отношение к пространству общего соседства и Молдове. Впрочем, первое можно скорее назвать несостоявшимся событием. На саммите Россия-ЕС, прошедшем в Гааге 25 ноября прошлого года, Москве и Брюсселю не удалось прийти к согласию по поводу четырех «общих пространств», призванных стать основой их отношений. Вторым - на этот раз, действительно, событием - стало опубликование 9 декабря 2004г. предложенного Европейской Комиссией плана действий ЕС/Молдова, который определяет направления новой политики соседства ЕС в отношении этой страны¹. Эта неудача и этот успех свидетельствуют о важности взаимодействия между ЕС и Россией в новом пространстве общего соседства. Одна из причин, стоящих за провалом подписания соглашения с Россией в Гааге, заключается именно в разногласиях по поводу сотрудничества в направлении стран этого региона, который на протяжении 90-х годов оставался на периферии интересов ЕС, но был провозглашен Россией «сферой ее жизненных интересов». Отныне пространство общего соседства превратилось в новую линию фронта.

Разногласия между Россией и ЕС по поводу Молдовы и общего соседства значительны. 2004 год характеризовался чередой событий, знаменующих собой становление нового европейского порядка, в котором архитектура безопасности, унаследованная Европой со времен холодной войны, подвергается постепенной трансформации. НАТО приобретает более глобальный характер, проявившийся в операциях в Афганистане и в Ираке, а также в отходе от прямого участия в обеспечении европейской безопасности. Организация по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) переживает период глубокого кризиса, вплоть до того, что государства-члены обсуждают вопрос о долгосрочной целесообразности ее существования. В то же время, идет становление ЕС в качестве центральной структуры, несущей ответственность за обеспечение безопасности на европейском континенте. На более широком стратегическом уровне расширение ЕС в 2004 году привело к возросшему отождествлению понятий «Европы» и «ЕС». Эти тенденции вызывают беспокойство у России и приводят к тому, что она начинает чувствовать себя отброшенной на периферию основных событий в Европе. У России сложились прочные отношения с НАТО, но эти отношения постепенно теряют свое значение на самом европейском континенте. Что касается ОБСЕ, эта организация стала

¹ *EU/Moldova Action Plan* (Брюссель, 9 декабря 2004г.),

восприниматься в Москве как инструмент, использующийся против её интересов. Что еще более важно, провозглашённое стратегическое партнерство с ЕС пока не принесло России никаких конкретных результатов. Не сложились между ними и те особые отношения, которые характеризуют партнерство России и НАТО. Столкновение интересов ЕС и России в Молдове отражают эти более широкие тенденции. В этом плане, способность Москвы и Брюсселя прийти к общей договоренности в отношении этой небольшой страны имеет ключевое значение.

ЕС-Россия: необходимое, но трудное партнерство

Два фактора привели к провалу саммита в Гааге, где планировалось подписать соглашение по четырем пространствам сотрудничества, договоренность по которым была достигнута в Санкт-Петербурге в мае 2003 года. Во-первых, достаточно быстро выяснилось, что Москва и Брюссель по-разному подходят к переговорам об общих пространствах. Россия была готова подписать соглашение по тем пространствам, по которым договоренность была реально достижима, в то время как Европейский Союз под председательством Нидерландов отстаивал принятие всех четырех документов в едином пакете по принципу «все или ничего»². Идея Европейского Союза была ясна. Договор, включающий все четыре пространства, позволил бы ему координировать свою политику в различных сферах и по всем трём «опорам» ЕС, используя таким образом их взаимосвязанность для защиты своих интересов. По словам министра иностранных дел Нидерландов Бернара Бота, ЕС стремился к подписанию «сбалансированного» договора³. Российское правительство было скорее нацелено на достижение договоренности там, где это было возможно, даже в ущерб целостности финального пакетного соглашения.

Еще более существенным оказалось расхождение взглядов Москвы и Брюсселя на содержание общих пространств. Например, говоря об общем пространстве юстиции и внутренних дел, ЕС настаивал на включении регулярного диалога по вопросам прав человека в его так называемую «дорожную карту». В частности, руководство ЕС под председательством Нидерландов подчеркивало важность соблюдения прав человека в борьбе с международным терроризмом. В свою очередь, Москва призвала ЕС к

http://www.europa.eu.int/comm/world/enp/document_en.htm

² См. например, заключения Совета по общим делам и внешним отношениям ЕС (GAERC) от 2 ноября 2004г. (13589/04 Presse 296), в котором говорится: «Председательствующее руководство ЕС отметило, что четыре пространства являются частью единого пакета соглашений».

³ Цитируется по отчету *Agence Europe* (Брюссель, 8 ноября 2004).

необходимости защиты прав русскоязычных сообществ в Эстонии и Латвии, а также потребовала не предоставлять политического убежища чеченцам, объявленным в России террористами.

Переговоры по общему пространству внешней безопасности также характеризовались значительными противоречиями. С момента прихода В. Путина к власти в 1999 году Москва стремится развивать партнерство с ЕС по вопросам безопасности по образцу отношений, сложившихся у неё с НАТО, особенно после 2002 года. Такой подход подразумевает тесное сотрудничество по целому ряду вопросов в сфере безопасности (таких как Ближний Восток, нераспространение оружия массового уничтожения, Иран и Балканы), а также создание адекватных институциональных рамок для ведения политического диалога.

Не возражая против такого широкого сотрудничества, ЕС в то же время фокусирует свою позицию на принципе сотрудничества в странах общего соседства, в частности, на конкретных вопросах урегулирования конфликтов в Молдове и на Южном Кавказе. Российское правительство выражает свое несогласие с тем, чтобы сотрудничество по вопросам внешней безопасности было сведено по большей части к пространству общего соседства. Москва также стремится избежать возможного включения *droit de regard* ЕС в этом регионе в «дорожную карту» пространства внешней безопасности. На самом деле, Россия не заинтересована в более активной политике Европейского Союза в отношении своих непосредственных соседей и воспринимает её как фундаментальный вызов российскому присутствию и влиянию в регионе в долгосрочной перспективе. Отношение России к возможности европейского вмешательства тем более негативно, что это происходит при отсутствии параллельного создания равноправного глобального партнерства в сфере безопасности, необходимость которого признаётся пока не всеми странами ЕС.

Европейская политика соседства (ЕПС)

Европейская политика соседства (ЕПС), предложенная в 2003 году как проект *Большой Европы*, свидетельствует об утверждении ЕС в роли активного действующего лица международной политики.⁴ В результате расширения ЕС в 2004 году в его состав вошли новые государства, интересы которых не совпадают с интересами прежних членов. На протяжении большей части 90-х годов «внешняя политика» ЕС

⁴ *Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours*, Commission Communication COM (2003), 104 final, Brussels, 11.3.2003. О генезисе и анализе этого проекта см. Judy Batt et al. (eds), *Partners and Neighbours: a CFSP for a Wider*

определялась, в основном, перспективой вступления или невступления новых государств в его состав. Если вступление той или иной страны стояло на повестке дня, ЕС вел особую политику по отношению к ней. В противном случае, внешняя политика практически отсутствовала как таковая. Эта ситуация постепенно меняется.

Кроме того, новая политика тесно переплетается с развитием европейской политики безопасности. *Европейская стратегия безопасности*, принятая в декабре 2003 года, подчеркивает необходимость создания вокруг границ ЕС пояса хорошо управляемых, стабильных и процветающих государств.⁵ Связь между европейской политикой соседства (ЕПС) и общей внешней политикой и политикой безопасности ЕС (ОВПБ) более понятна на концептуальном уровне, где предусматривается, что обе эти политики должны постоянно подпитывать и укреплять друг друга. На практике механизм этой взаимосвязи менее очевиден, поскольку ЕПС была создана и курируется в основном Европейской Комиссией, несмотря на возражения многих государств-членов. В результате «измерение ОВПБ» в ЕПС оказалось менее развито, чем должно быть.

Необходимо отметить, что первоначально ЕПС была предложена также и России. Однако российское правительство отказалось от участия в новой политике, аргументируя свой отказ тем, что Россия уже поддерживает с ЕС отношения «стратегического партнерства», значение которого не должно обесцениться. Москва проявляет особое беспокойство в связи со степенью дозволенного в рамках ЕПС вмешательства ЕС в дела стран-участниц этой политики, дающей ЕС право оценивать, а значит и судить, успешность их продвижения по всем параметрам общеевропейских ценностей. Начиная с 1999 года российские власти под руководством президента Путина решительно возражают против возможности подобного «вмешательства» ЕС во внутренние дела России. На сегодняшний день российское отношение к ЕПС неоднозначно. С одной стороны, Москва прекрасно осознает ее слабые стороны. В то же время, «оранжевая революция» ясно дала понять, насколько мощной влекущей силой для стран общего соседства является перспектива, пусть даже далекая и туманная, «возвращения в Европу». Осознание этого факта усилило недоверие в российском восприятии ЕПС, особенно в отношении Украины и Молдовы. В случае успеха эта политика может способствовать окончательному выходу этих стран из российской сферы влияния.

Выраженное влечение стран общего соседства в сторону ЕС и его модели развития усиливает беспокойство России по поводу собственных позиций в качестве

Europe, Chaillot Paper, No. 64: EU ISS, Paris, 2003.

⁵ *A Secure Europe in a Better World – The European Security Strategy* (принято Европейским Советом, Брюссель, 12 декабря 2003), <http://ue.eu.int/uedocs/cmsUpload/78367.pdf>

региональной державы и возможной угрозы оказаться «на задворках» Европейского Союза. Ставки для России очень высоки.

Высоки они и для ЕС. ЕПС, основанная на концепциях «дифференцированности» и «постепенности», предлагает соседним государствам своего рода «сделку»: более тесное экономическое сотрудничество в обмен на соблюдение общих ценностей и проведение эффективных реформ. Новая политика отвечает стремлению ЕС найти ответ на центральный вопрос, связанный с преследуемой им целью стать значимым игроком в международной политике. Каким образом ЕС может способствовать превращению соседних стран в зону стабильности и процветания, не опираясь при этом на мотивацию возможного вступления в его состав? Ведь на протяжении 90-х годов, перспектива членства была наиболее эффективным инструментом внешней политики ЕС, поскольку она давала возможность применять принцип *conditionality* в отношении со странами-кандидатами на вступление. Такой подход оказался успешным благодаря тому, что эти страны дали свое согласие на его использование. При отсутствии перспективы будущего расширения ЕС, основным вопросом является следующий: может ли ЕС способствовать преобразованиям в соседних странах, продолжая удерживать их на расстоянии от себя?

Молдавский перекресток

Начиная с 2002 года ЕС ведет более активную политическую деятельность в поисках урегулирования конфликта в Молдове. Целый ряд мер был принят в рамках общей внешней политики и политики безопасности как Европейской Комиссией, так и Секретариатом Совета.

Во-первых, начиная с декабря 2002 года ЕС занял более активную позицию в переговорах между Кишиневом и Тирасполем, рассматривая при этом Тирасполь как основной источник препятствий для достижения договоренности. Во-вторых, ЕС, по согласованию с США, наложил ограничения на передвижения сепаратистских лидеров (сначала в феврале 2003 года, а затем в августе 2004). Были также предприняты попытки нейтрализовать трения между Кишиневом и Тирасполем при посредничестве Ксавьера Соланы, а также делегации высокопоставленных лиц, ответственных за вопросы ОБПБ в Совете Секретариата ЕС (август 2004г.). Кроме того, ЕС возглавил переговоры в трехстороннем формате с участием Украины и Молдовы в целях укрепления контроля на приднестровском участке молдавско-украинской границы. По

всей вероятности, ЕС примет участие в будущей международной миссии по мониторингу на этом отрезке границы.

Подобные действия ЕС привели к прямому столкновению с интересами России, активно вовлеченной в приднестровский конфликт с момента ввода своих миротворческих сил в 1992 году. Наряду с ОБСЕ она играет роль основного посредника в урегулировании конфликта. С начала 90-х годов Россия имеет также и целый ряд экономических интересов в Молдове. В советский период территория Молдовы имела стратегическое значение для советских вооруженных сил, готовых к военным действиям на Балканах в качестве ударной группы в случае развязывания войны. На сегодняшний день российские военные интересы в регионе во многом утратили свое значение, но по-прежнему являются важными для Министерства Обороны, выступающего за сохранение ограниченного передового военного контингента в этой, имеющей стратегическое положение, стране. В целом, Россия стремится поддерживать с Кишиневом отношения, благоприятствующие российским интересам и препятствующие возникновению антироссийских тенденций. Доминирующая роль Москвы в переговорном процессе служит эффективным инструментом для продвижения ее интересов. Это стало особенно очевидным в конце 2003 года после опубликования документа, известного как «меморандум Козака». Речь идет об одностороннем российском проекте урегулирования приднестровского конфликта, направленного на защиту российских интересов и предусматривающего превращение Молдовы в конфедерацию.⁶ В последний момент президент Республики Молдова отверг это предложение к большому разочарованию и гневу Москвы. Необходимо понимать: действия России в Молдове продиктованы не нео-имперским синдромом. Напротив, сегодняшняя Россия - пост-имперское государство, которым движет стремление обеспечить региональную поддержку своим интересам и сохранить дружеские отношения с Молдовой независимо от правительства, стоящего у власти в этой стране.

Проект Дмитрия Козака, спецпредставителя российского президента в приднестровском урегулировании, получил в Москве единогласную оценку как плодотворная и искренняя попытка добиться согласия между Молдовой и Приднестровьем. Тем более, что приднестровские лидеры и президент Республики Молдова были готовы к подписанию договора. С российской точки зрения, европейские государства и, в первую очередь, Европейский Союз, отвергли российскую инициативу не из-за наличия в ней слабых сторон, а именно потому, что она была *российской*. Михаил Маргелов, член Совета Федерации России, был прям в своих обвинениях:

⁶ Меморандум об основных принципах государственной структуры единого государства

«президент Молдовы отказался от российского плана урегулирования конфликта в последнюю минуту под давлением со стороны ЕС»⁷.

Разногласия постепенно усугубились. Российское правительство расценило заявления Европейского Союза о необходимости многостороннего подхода к урегулированию приднестровского конфликта как попытку обеспечить доминирование европейской позиции и ослабить российское влияние. В противоположность ЕС Россия выразила свое предпочтение урегулированию отношений с Молдовой в двустороннем формате, а не в трехстороннем (с участием ЕС и/или США), и уж тем более не в многостороннем. Москва отвергла аргумент ЕС, согласно которому предложение Козака содержало слишком много недостатков для того, чтобы считаться приемлемым. С точки зрения, превалирующей в Москве, на пространстве бывшего Советского Союза разворачивается борьба за влияние «с нулевой суммой». В этом контексте урегулирование приднестровского конфликта воспринимается Москвой в качестве небольшой партии в более крупной игре, а рост влияния ЕС в странах общего соседства - как тенденция, наносящая ущерб влиянию России.

С точки зрения Европейского Союза, меморандум Козака содержал слишком много недостатков, чтобы полагать, что Кремль всерьез рассчитывал на его успех. В частности, проект предполагал существование множества сфер совместного ведения между центром и федеральными субъектами, что послужило бы верным источником затягивания конфликта. В этом случае, Приднестровье получило бы возможность блокировать любую серьезную реформу в Молдове, включая углубление сотрудничества с ЕС в рамках *Европейской политики соседства*.

Ровно год спустя после этих событий, 9 декабря 2004 года, Комиссия опубликовала свое предложение плана действий в отношении Молдовы в рамках ЕПС.⁸ Во введении к плану были определены основные направления развития более тесных европейско-молдавских отношений в рамках «стратегического партнерства», выходящего за пределы простого сотрудничества и предполагающего «достижение значительной степени экономической интеграции и углубление политического сотрудничества». Документ содержит заявление о том, что «одной из ключевых целей этого плана действий является поиск приемлемого варианта решения конфликта в Приднестровье». В частности, в плане содержится глава о сотрудничестве в целях разрешения этого конфликта, которая включает обязательства ЕС увеличить свою политическую активность в процессе переговоров, способствовать удовлетворению потребностей пост-конфликтного периода, проявить большую настойчивость, требуя от

(неопубликованный документ, ноябрь 2003).

⁷ См. интервью на сайте www.rosbalt.ru (Санкт-Петербург, 2 декабря 2003г.)

⁸ *EU/Moldova Action Plan*, (Брюссель, 9 декабря 2004г.),

России выполнения взятых ею на себя обязательств по выводу российских военных сил из Приднестровья, а также приложить больше усилий по укреплению контроля на границе с Украиной. Правительство Молдовы восприняло предложенный план действий как шанс для строительства новых отношений с ЕС с возможностью перехода, в конечном итоге, к более тесным связям на юридически обязывающей основе. Российское правительство воздержалось от публичных заявлений по этому поводу. Однако, с учетом событий вокруг «оранжевой революции», план действий по Молдове не может быть истолкован Москвой иначе как один из элементов общей тревожной тенденции повышения активности ЕС в данном регионе в ущерб российскому влиянию.

Что дальше?

Конфликт в Приднестровье стал местом пересечения интересов расширившего свой состав и более уверенного в себе ЕС и занявшей оборонительные позиции и видящей повсюду угрозу Россией. С декабря 2003 года переговоры по урегулированию приднестровского конфликта зашли в тупик, отчасти из-за российской несговорчивости. Цель, стоящая в настоящее время перед Европейским Союзом, заключается в том, чтобы возобновить переговоры и способствовать решению конфликта, найдя при этом компромисс с Россией. По признанию ЕС, успех плана действий в отношении Молдовы (и заявленной таким образом европейской ориентации молдавской политики) зависит от урегулирования этого конфликта. Ставки очень серьезны.

В данных обстоятельствах, ЕС должен преследовать двойную цель:

- а) взять на себя новые обязательства по урегулированию приднестровского конфликта;*
- б) параллельно использовать все возможности сотрудничества с Россией.*

Что касается первого пункта, ЕС пора всерьез рассмотреть возможность назначения специального представителя ЕС (СПЕС) по Молдове и урегулированию приднестровского конфликта. СПЕС мог бы стать институциональной точкой опоры для политики ЕС на данном направлении. При создании этой должности необязательно использовать традиционную модель института специального представителя: за образец может быть взята модель СПЕС по Южному Кавказу, которая предполагает минимальную административную структуру и покрытие расходов отдельным государством-членом (или несколькими государствами - членами). Мандат СПЕС

должен включать обязательство тесного сотрудничества с Украиной и Россией. При работе со специальными российским и украинским представителями СПЕС должен стремиться к достижению договоренности по урегулированию конфликта на конституционной основе, многие элементы которого уже получили одобрение. Кроме того, мандат СП должен включать задачу разработки вариантов участия ЕС в гражданской миссии по пост-конфликтной стабилизации при значительном участии России и Украины. В среднесрочной перспективе, ЕС должен изучить возможные пути демилитаризации зоны безопасности между Приднестровьем и Молдовой путем постепенного свертывания миротворческой операции и сокращения различных «сил безопасности» Приднестровской Молдавской Республики. Возможность участия ЕС в будущей гражданской миссии по пост-конфликтной стабилизации должна рассматриваться в этом контексте.

Что касается второго пункта, политика ЕС в Молдове не может быть оторвана от политики на российском направлении. В настоящий момент «стратегическое партнерство» между ЕС и Россией переживает трудный период, особенно в сфере политики безопасности и взаимодействия в отношении стран общего соседства. Предпринимая какие-либо действия в отношении Молдовы, ЕС должен заботиться о том, чтобы каждый шаг был продуман с точки зрения создания позитивного прецедента для европейско-российского сотрудничества в странах общего соседства. Некоторые из них требуют проявления уважения к российской гордости и интересам. В этом смысле, постоянный контакт с Москвой через СПЕС является чрезвычайно важным. Говоря более конкретно, ЕС придется координировать свою политику с Россией по трём основным направлениям:

- а) выработка новых предложений по урегулированию конфликта;*
- б) разработка мер доверия для пост-конфликтного периода;*
- в) постепенное сокращение российского военного присутствия.*

Все эти вопросы требуют серьезной проработки и нахождения компромиссов для дальнейшего развития форм практического сотрудничества.

Крайне важно, чтобы ЕС и Россия пришли к согласию по проблемам сотрудничества в регионе общего соседства. Это сотрудничество призвано стать основой зарождающегося европейского порядка. С этой точки зрения, текущие переговоры о форме и содержании «общего пространства» внешней безопасности имеют стратегическое значение. Трение интересов и достижение компромисса во многом определяют контуры будущего сотрудничества или напряженности в Европе. Конечно, уступки для нахождения компромисса потребуются как со стороны ЕС, так и со стороны России, но только в условиях сотрудничества. Компромисс при игре с нулевой суммой попросту не стоит свеч.

Об авторе

Дов Линч является старшим научным сотрудником в Институте исследований в области безопасности ЕС, где он специализируется в области отношений Россия-ЕС, вопросов безопасности в России и странах бывшего СССР, а также политики ЕС в странах этого региона. Он автор многочисленных публикаций на эти темы. Среди его последних работ « *La Russie face à l'Europe* » (Paris, UE ISS, 2003), « *Engaging Eurasia's Separatist States* » (Washington DC, USIP, 2004), а также « *What Russia Sees* » (Cahiers de Chaillot, UE ISS, 2005).